

компьютерным технологиям, базовое противоречие между общественным характером труда и частным характером присвоения постоянно усиливается, что делает возможным переход к «абсолютной демократии».

Таким образом, современный анти-капиталистический дискурс продолжает искать технологическое решение, которое поозволило бы покончить с технологическим инструментальным разумом, породившим гегемонию глобального капитализма. Возможно, прав Жижек, отметивший, что более продуктивным путем было бы не ожидание торжества «великого сообщества», а обращение к власти с конкретными, стратегически отобранными и четко определенными требованиями, которые она в состоянии выполнить¹³.

1. Žižek S. Resistance Is Surrender // London Review of Books, 15 November 2007. Размещено в Интернете, URL: http://www.lrb.co.uk/v29/n22/print/zize01_.html.

2. Czitrom D.J. Media & the American mind: from Morse to McLuhan. Chapel Hill, 1982. P.189.

3. Цит. по Czitrom D.J. Op. cit. P.12.

4. При этом он каждый раз определенным образом видоизменялся. Дж. Скоунс, проанализировав развитие этого мифа с момента

изобретения телеграфа, показал, что каждое новое средство коммуникации порождает свою версию этого мифа. Телеграф, радио и телевидение имели собственных электронных признаков и несли свои угрозы, однако общая «мета-политика речи» об этих средствах коммуникации оказывается весьма схожей.

5. Marx L. The Machine in the Garden. Technology and the Pastoral Ideal in America. 2nd ed. N.Y., 2000. P. 206.

6. Winthrop-Young G. Cultural Studies and German Media Theory // New Cultural Studies: Adventures in Theory. Athens, Georgia, 2006. P.96.

7. Frau-Megs D. Civil Society's Involvement in the WSIS Process: Drafting the Alter-Agenda // Servaes J., Carpentier N., eds. Towards a Sustainable Information Society. Bristol, 2006. P. 91.

8. Cammaerts B., Carpentier N. The Unbearable Lightness of Full Participation in the Global Context: WSIS and Civil Society Participation // Servaes J., Carpentier N., eds. Towards a Sustainable Information Society. Bristol, 2006. P. 23.

9. Haraway D. A Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist Feminism in the Late Twentieth Century // Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. L., 1991, P. 150

10. Очевидно, что данный тезис не может не обрадовать компании, занимающиеся коммерческой установкой и обслуживанием Linux, что еще раз подчеркивает вездесущность «глобального капитализма».

11. См. Fuller M. Behind the Blip: Essays on the Culture of Software. L., 2003.

12. Hardt M., Negri A. Empire, L., 2000. P. 399.

13. Žižek S. Op. cit.

К. В. Киселев

ИДЕОЛОГИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ

**Киселев
Константин Викторович**

кандидат философских наук,
зам. директора Института
философии и права УРОРАН

Выборы-2007 в Государственную Думу легитимизировали и, тем самым, усугубили давно меняющуюся в направлении централизации власти ситуацию «авторитарности». В результате однозначно можно утверждать, что политика на уровне федерации не просто стагнирует, но исчезает напрочь уже и с формально-юридической точки зрения. Из этого следует два принципиальных вывода.

Первый. Победа, а она беспорна, «Единой России» есть победа не политическая, но бюрократическая. Тождество политики и административного управления сегодня полное. Достаточно сравнить «руководящие» и кандидатские списки «Единой России» с персональными номенклатурными «перечнями», чтобы сделать вывод о совпадениях и тождествах. Суть этих тождеств очевидна – усиление государственного (бюрократического) контроля за всем и всеми. В российских условиях такая победа бюрократии есть вполне понятный посыл - «назад в прошлое». К номенклатурному языку, к бюрократическому управлению, к советскому телевидению и т.д.

Второй. Выборы в Госдуму стали новым свидетельством того, что большинство политических институтов уже разрушены или все интенсивнее разрушаются. Уничтожены институты

элитных согласований, электоральные и иные институты публичной власти, федерализм и т.д., и т.п. В результате система оказалась переведена с институционального (автоматического) саморегулирования на ручное управление. Другими словами, система деградировала.

О деградации системы говорит и «несовпадение» структур и функций, что выражается в стремлении «соответствующими» структурами выполнять несвойственные им функции. Например, если правоохранительные органы начинают выполнять политический заказ, то это есть прямое свидетельство отсталости системы. Или, если секретарь парткома вмешивается в конкретный экономический процесс, то это есть прямое свидетельство неустойчивости, кризисности и неэффективности политической системы. Или еще более распространенный случай смешения структур и функций – профессиональный чиновник, простой клерк начинает решать политические вопросы. Наконец, менеджер, работающий на предприятии, находясь под административным давлением, агитирует за ту или иную партию.

Причем, создается впечатление, что бюрократия явно перестаралась. По свидетельству Г.Голосова, крупнейшего в России специалиста по сравнительной политологии, существует правило, согласно которому страна, в которой на выборах одна партия получила более 60 % голосов, исключается из всего круга исследований, связанных с демократией, ибо указанный процент есть достаточное доказательство отсутствия самой демократии.

В результате возник вопрос о возможности применения традиционных электоральных технологий и их эффективности. Особенно остро этот вопрос затронул партии, позиционирующие себя как «правые». Дело в том, что уличные технологии, активно

применяемые «Яблоком», показали свою неэффективность, а попытка запустить сетевые технологии, подкрепленные «пенсионным» популизмом, вообще привела СПС к краху. Одновременно с этим, нужно отметить, что и иные проектные партии (в том числе, «партии-победители») также не стали жизнеспособными, устойчиво самовоспроизводящимися. Любой из этих проектов можно распустить в 24 часа. По приказу. И перспектив у этих проектов не видно, кроме административных, конечно.

В результате у «Единой России» в коллапсирующем политическом пространстве не оказалось конкурентов. Назвать конкурентами «Справедливую Россию» и ЛДПР нельзя, ибо они столь же проектные и контролируются бюрократией, как и «партия власти». Кроме того, «Единая Россия» не позиционировалась как идеологическая партия. Поэтому разоблачение идеологии «Единой России» бессмысленно, а потому и идеократическая КПРФ оказывается практически в абсолютном идеологическом вакууме. Заметим, что далеко не случайно КПРФ использовала технологический (но не идеологический) прием, позиционируясь, как единственная оппозиция. И в этой связи далеко не случайно, что на зарубежных участках многие избиратели, естественно не жаждущие возвращения коммунизма, голосовали именно за КПРФ как хоть какую-то оппозицию.

При этом отметим, что «всеядная» (правда, лишь на первый взгляд) партия власти исповедует логику бюрократии, которая не может быть иной, кроме как, идеологией расширения своего влияния, т.е. логикой огосударствления, деприватизации, коррупции, nepотизма и прочих иных «удовольствий». Ситуация в результате сложилась уникальная. С одной стороны, партиям предлагают конкурировать с «Единой Россией» как партией, с другой, сама «Единая Россия» действует не в партийной логике, но в логике бюрократии. У логики бюрократии - один идеологический враг и множество технологических.

Идеологический враг - идеология свободного рынка, конкуренции, демократии, федерализма и всего того, что называется либерализмом, правой идеологией, демократией налогоплательщиков, если хотите, современностью и Европой. Причем, этот идеологический враг безопасен для «Единой России», когда она выступает именно как партия, но смертельно опасен для «Единой России» как структуры тождественной государственной бюрократии.

Технологические враги - партии и политики, которые размывают электорат «Единой России», т.е. электорат власти, электорат бюрократии, т.е. работают на ее электоральном поле. Например, часть туловища власти - «Справедливая Россия». Другие враги - КПРФ, СПС, ЛДПР, Яблоко и прочие аграрии. Они технологически опасны тем, что точно также, в логике бюрократии, исповедуют патернализм, необходимость государственного вмешательства в экономику и т.п. Экстаз перераспределения, который охватил эти партии, опасен для «Единой России», у которой есть еще ощущение некоторых границ реальности. Эти партии опасны для «Единой России» тем, что размывают электоральную повестку «Единой России», ибо слишком близки к ней. Не случайно, И.Мельников, один из немногих коммунистов-интеллектуалов открыто заявлял, что избирателям придется выбирать между КПСС и КПРФ. Так оно и есть. А для КПСС технологически КПРФ более опасна, чем заклятые враги - либералы. Поле одно, электорат один. Кстати, вспомним «Манифест Коммунистической партии».

Для основоположников марксизма главными врагами были не понятные либералы, отстаивающие интересы буржуазии, а различного вида социалисты!

Правда, не всегда изложенная выше логика доходит до «единороссов» и в центре, и на местах. Хотя все очевидно, электорат «Единой России», позиционирующейся как политическая партия, отбирают только технологические оппоненты, но не идеологические, ибо первые работают на поле власти, а вторые на своем. Странник КПРФ легко проголосует за «Единую Россию», а сторонник свободного рынка - только в крайнем случае, т.е. выбирая из двух зол (КПСС или КПРФ) или, другими словами, во втором туре, которого нет и не предвидится.

В итоге, «Единая Россия» сегодня есть идеологический призрак на бюрократических костях. Бюрократические кости иначе называются «административной вертикалью» или «вертикалью власти», а призрак идеологии формируется кучей слов и цитат, которые часто не сочетаются друг с другом, противоречат сами себе (достаточно вспомнить историю со Знаменем Победы).

Результатом сворачивания политической жизни в «центре» стало ее постепенное умирание и в регионах, хотя здесь, безусловно, еще есть исключения.

Таким исключением, на мой взгляд, была избирательная кампания «Гражданской силы» в Свердловской области.

Во-первых, при планировании кампании все ее участники (и консультанты, и кандидаты) сошлись на том, что независимо от результата кампания должна принести пользу. Принцип - не навредить, но развивать. Сегодня большинство избирательных кампаний делаются без оглядки на будущее, делаются для достижения тактического результата - получения голосов, не взвизывая на более отдаленные последствия для массового сознания. Именно этого и пытались избежать. В результате основной темой кампании стала тема налогов и отношений налогоплательщиков и власти. Очевидно, что если после кампании хотя бы 5-10 процентов людей осознают себя налогоплательщиками, то это будет хоть и небольшим, но вкладом в развитие массового сознания, демократии налогоплательщиков, институтов гражданского общества, наконец, в становление субъектности, в том числе и среднего класса.

Во-вторых, «Гражданская сила» принципиально отказалась от применения традиционных политических технологий. Таких как популизм, раздача бессмысленных обещаний, негативные технологии. Региональное отделение избрало не язык призывов и бессмысленных лозунгов, но нормальный язык дискуссии. «Гражданская сила» не призывала, но разъясняла свою позицию. Партия не пугала кризисом, но оперировала фактами, не публиковала в своих газетах кроссворды и кулинарные рецепты, но печатала достаточно сложные статьи об экономике, о политических закономерностях. И этот язык общения с избирателями был услышан наиболее продвинутой частью общества, теми, кого называют референтными группами. Кроме того, впервые в Екатеринбурге «Гражданская сила» начала организовывать публичные политические дебаты, на которые приглашались все желающие «слушатели и ораторы», а также представители всех партий. Цели дебатов понятны - сохранение институтов политической коммуникации, демонстрация отсутствия страха в изложении самых проблемных вопросов, формирование навыков политических дискуссий и политических

компромиссов у представителей политического класса. Итог известен, каждый десятый голос, полученный «Гражданской силой» в стране, был голос избирателя из Свердловской области. Более того, в Екатеринбурге на целом ряде участков «Гражданская сила» даже обгоняла коммунистов.

Сама эта региональная избирательная кампания позволила сформулировать два принципиальных вывода.

Во-первых, в сложившейся ситуации при любых пропорциональных выборах «малым и средним» партиям нужно выработать «нишевые» стратегии, не пытаться работать со всеми, не распыляя ресурсы, очень жестко и сознательно ограничивая свое электоральное пространство. Иного не остается. Кроме того, этим «инакомыслящим» партиям нужно отказываться от «кризисного» языка, который по определению есть язык партии власти, язык бюрократии. Критика власти в повестке самой власти, также как ответ на вопрос в подавляющем большинстве случаев в логике самого вопроса. А вопросы пока ставит власть. Несмотря на поражение «инакомыслящих» необходимо, чтобы выжить, перестать говорить в логике власти, то есть в логике «все сгорело, все пропало», необходимо

удержаться от скатывания к банальному отрицанию, к уличному экстремизму. Другими словами, нужно стремиться задавать власти свою повестку. СПС и «Яблоко» поступили с точностью до наоборот. Результат известен. И вывод понятен: либерализм как будущее России – неизбежность, старые «правые» партии остаются в прошлом.

Во-вторых, если подавляющее большинство партий во главе с «Единой Россией» декларировали необходимость укрепления государства, расширение его роли, в том числе и прежде всего в распределении благ, и такие декларации были и в духе бюрократии, и в повестке «Единой России», позиционирующей как партия, то вызов бюрократии, связанный с программными призывами об ограничении роли и функций государства, при определенных условиях оказаться и электоральным вызовом партии власти. Тем более, что во многих случаях ее представители разницы между партийной кассой и государственным/муниципальным бюджетом просто не осознают. Наконец, далеко не случайно, именно либералы и либеральные преобразования 90-х гг. стали в итоге основным объектом критики и со стороны «партии власти», и со стороны самой власти.

И. А. Савченко

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**Савченко
Ирина Алексеевна**

кандидат политических наук, доцент кафедры теории и практики управления Московского городского психолого-педагогического университета, г. Москва

В различных областях научного знания об обществе разрабатывается и широко используется категория политического действия. При этом каждая из научных дисциплин имеет собственное представление о содержании данного понятия и трактует его, исходя из того, какая смысловая нагрузка политического действия может быть полезна в исследовании феноменов, лежащих в предметной области данных наук. Вследствие этого возникает необходимость в формулировании более общего понятия политического действия и формировании исходного представления о его базовых характеристиках. Эта необходимость обусловлена не только требованиями квалификационного порядка, культурой политологического исследования, но и тем, что каким бы очевидным не представлялось содержание понятия «политическое действие» в прикладных политических исследованиях, оно не является общезначимым, хотя именно оно имплицитно формирует теоретико-познавательные установки, служащие своеобразной призмой, через которую осмысливается конкретная политическая проблема.

Недостаточно четкая определенность понятия «политическое действие» отражается на теоретической и, тем более, практической неразрешенности проблемы технологии политического действия, которая является классической не только для политологии, но и для всех без исключения гуманитарных и социальных наук. Такой

интерес к данной проблеме, с одной стороны, создает достаточно большой простор для выбора исследовательской позиции и аргументации, а с другой, требует большой тщательности в отборе и формулировании исходных понятий и практических рекомендаций. Возникает необходимость определения критериев научности в осмыслении проблемы технологии политического действия, последующего отбора и анализа теорий и концепций, которые соответствуют этим критериям, и, наконец, попытки синтеза этих теоретических построений и практических технологических разработок.

Основной целью данной работы является исследование политического действия как технологического института. Для достижения этой цели необходимо определить понятие политического действия, выявить его технологию в контексте политических, экономических и социокультурных преобразований.

Политическое действие как одна из форм политической активности представляет собой субъективно-рационально обоснованную, упорядоченную реализацию социальной власти, многообразных конфликтных интересов в определенном пространственно-временном континууме. Анализ политического действия предполагает рассмотрение его субъективных, технологических, институциональных и ситуативных компонентов в их динамике. Н. Макиавелли, по мнению А.С. Панарина, был первым, кто рассмотрел политическое действие как технологический институт.¹ Главным критерием эффективности политического действия для Макиавелли является не соответствие его моральным или религиозным принципам, а целесообразность, то есть соответствие основополагающим целям государства. Само политическое действие понимается им как поступок политического деятеля, который стремится